

5-524/28

25-4/10

К 556

4

№ 25

МАРКСИСТСКАЯ ОЦЕНКА

Рис. М. Черемных

Рис Д. Мельникова

— Руководитель все говорит: „Это относится к каменному веку, это к бронзовому“, а теперь-то какой же?
— Надо полагать—бумажный!

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ САВЕЛИЯ
ОКТАБРЕВА

Совчиновники не имеют чинов: вот почему даже маленький служащий может быть большим чиновником.

★
Не трудящийся да не критикует!

★
Смелая критика и угодливость не всегда несовместимы, ибо бывают лица, коим можно угодить смелой критикой.

★
Хорошим шефом над деревней назову того, шефство которого доставляет удовольствие не только ему самому, но и деревне.

★
Хорошо критикует тот, кому дано заключительное слово!

★
Зажимать критику — не легко, но критиковать зажим — еще труднее.

★
Командировки в курортные местности соединяют в себе приятное с полезным.

★
К критике снизу прислушиваются, критику сверху просто слушаются.

Беспартийный Савелий Октябрев.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ

Коллектив наш, вообще, очень тихий, а уж про Федора Игнатова и говорить нечего: смиреннее смиренного человека. Другие, бывало, хоть по уборным жужжат насчет непорядков или бесхозяйственности, а Федор Игнатов и тут стоит в стороне.

— Дело это, — говорит, — до меня не касательное. Свою работу я сполнаю, и зарплату за нее получаю в срок и полностью, а остальное ко мне не относится. Не люблю я в чужие дела соваться. Сыт, одет, обут, — чего еще мне?

На общих собраниях Федор не только что никогда не высказывался, он даже «за» не голосовал: предпочитал воздержание.

— Хоть и большинство, — говорит, — а может, все-таки неправильно оно проголосовано: почему я знаю?.. Нечего мне в вопросы вступать: мое дело — сторона! Сыт, обут, одет, зарплату сполна получаю, — чего еще надо?..

Положительный, словом, человек. Однако не любил его за что-то: и администрация, и завком, и ячейка, и прочие товарищи — все почему-то без особой симпатии относились. И когда подошла рационализация с сокращением, то всем было ясно: Федора Игнатова срационализируют в первую голову. Так, в воздухе как-то носилось, чтобы срационализировать его. И сам он в этом не сомневался: грустный ходил — и еще больше ото всего в сторонке.

Но перед очередным общим собранием с отчетом завкома, смотрим, повеселел будто вдруг человек. Голову поднял, приободрился, глаза прищуривает и на всех смотрит с высоты своей подожительности. А после отчета вдруг, в первый раз в жизни своей, записался в прения, получает, понимаете, слово, выходит без стеснения на эстраду и выпаливает полным голосом:

— Принимая во внимание неудовлетворительность отчета, должен я, товарищи, в порядке деловой самокритики выразиться...

И выразился. Не очень, конечно, резко, — так, чтоб никого персонально не задеть, — но припомнил все, о чем другие жужжали по уборным, и все это в деловой форме выложил. Кой-чего даже сам присочинил из несуществующего, так что директор и предзавкома протестовали со своих мест:

— Не было этого! Откуда вы взяли?!

Но на их реплики Федор Игнатов очень спокойно заявил:

— В своем слове пуцай опровергнете, а я, в порядке самокритики, имею право не на все сто процентов верно высказываться...

Одним словом, всех удивил и даже озадачил. И все, конечно, поняли: раз уж все равно срационализируют человека, то чего же ему стесняться, почему раз в жизни не проявить гражданского мужества?

Некоторым это понравилось даже и некоторые после собрания подошли к Федору Игнатову с одобрением:

— Молодец, мол, Федор Игнатов! Конечно, не на все сто процентов ты прав, но кое-что было и дельное. Только надо было пореже ставить вопросы: зачем ты директорских любимчиков замазывал?.. Все равно ведь сокращают тебя!

Но тут Федор Игнатов вздернул вверх голову и громко переспросил:

— То-есть, как это так — сокращают? Это что же выходит: преследование за критическое выступление? Это, значит, невозможно у нас в порядке самокритики высказаться: под увольнение себя подведешь?!

Так громко переспросил, что и директору было слышно, и предзавкома, и секретарю ячейки.

И что же, действительно, так Федора Игнатова и не срационализировали. Неудобно показалось. Нарушение линии и директив.

А после рационализации Федор Игнатов, конечно, высказываться перестал. Даже в уборных.

— Какое, — говорит, — мое тут дело? Меня не касается. Зарплату мне платят, сыт, одет, обут, — чего еще надо?..

Никита Крышкин.

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

ГЕОГРАФИЯ — ТРУДНАЯ ВЕЩЬ!

«Голос Текстилей» к роману «Овод» делает такое пояснение: Апеннины — горная гряда, отделяющая Испанию от Франции!..

До сих пор этим делом занимались, как известно, не Апеннины, а Пиринеи. Апеннинам же неудобно даже и по совместительству, — слишком далеко и к тому же препятствует море.

Голосить нужно осторожнее!

ОТЧАЯННЫЕ ЛЮДИ

«Советская Киргизия» весьма ярко описывает налет грабителей на квартиру гр. Лошпина:

Под угрозой оружия, Лошпина шайка вывела из квартиры, вытащили из кармана бумажник с 60 руб. денег, посадили на извозчика и повезли по Советской улице, где сами скрылись.

Куда же это разбойники, скрылись? Не побежали ли они в школу по ликвидации неграмотности? В ту самую школу, в которую злодеев из «Советской Киргизии» никакой палкой не загонишь!

И ДО ЧЕГО ЖЕ КРАСИВО

Прелестный душа, поэт М. Никонов разводит изящную, дивную красоту в красноводской газете «За культуру».

*В праздник весны долгожданной,
Когда солнце играет в волнах,
Я, как лирик-поэт легендарный,
Пою о весне в первомайских
Цветущих краях.*

И, далее легендарный поэт заплетает такие чудные «розы-грезы».

*В день выставки красных знамен,
Мы под чудные звуки завода
Хором всего трудового народа
Трудовую великую песню
Коллективно поем.*

Между прочим, сии жестокие романсы напомаженный Никонов распевал не «под чудные звуки завода», а под самую обыкновенную гитару. Завод тут пущен для «красного» словца.

КРАСНОВОДСКОЕ МЕЩАНСТВО

Красноводцы частенько задумывались:

— Есть у нас мещанство в Краснодарске или нет?

Мещанство — пренебрежение общественностью, герань, канарейка, застой, тина. Кто этого не знает! Но разве в Краснодарске это есть? Краснодарцы поголовно состоят членами общественных организаций. Геранью не обрастают. Канареек почитают за позор. Застой наблюдается разве только в очередях.

Но не так давно сомнения красноводцев были разрешены.

Сотрудник местной газеты «За культуру» Краснодарский обнаружил у одной девицы бархатный альбомчик стишков. По поводу злокозненного альбомчика Краснодарский громыхнул в газете большой статьей «О мещанстве в комсомоле».

Остановимся на больших мелочах в комсомоле, — начинается свою статью Краснодарский.

Передо мною альбом одной довольно развитой комсомолки, сотрудницы совузреждения, в красивом переплете с золотым тиснением женщины, с оголенной грудью в цветах.

Судя по началу, красота тисненной женщины с оголенной грудью, да еще в цветах, привела автора в восхищение. Но он не поддался, пренебрег мелкобуржуазной красотой и мужественно начал казнить мещанскую идеологию первого же стишка:

*Пусть жизнь течет спокойно,
Услана тысячей цветов,
И с ней идет всегда дорогой
Надежда, Вера и Любовь.*

Красноводский набросился на автора стишка, как тигр:

Это не важно, что задачи пролетариата требуют сосредоточения всех сил на социалистической стройке, не важно и то, что тысячи зарубежных братьев погибают в борьбе с капиталом. Он не помнит, что на помощь зарубежному рабочему должна прийти многомиллионная армия российского пролетариата...

Тра-та-та! Тра-та-та!

Эдаким пулеметом Краснодарский обстрелял каждую стишину и наклеенную розочку альбома. Особенно зверски расправился автор в заключении статьи с каким-то культработником, написавшим своему предмету в альбомчик такое легкомыслие:

*Работе все не отдавай, —
Ей время есть свое...*

Тут Краснодарский не пожалел своей пулеметной ленты.

И это тогда, когда рабочий класс напрягает все силы на разрешение всех трудностей социалистического строительства, когда партия ратует о поднятии производительности труда, уплотнении рабочего дня для перехода на 7-миачасовой рабочий день, усилении социалистического строительства во всей стране и т. д.

После опубликования этой статьи красноводцы больше не задумываются насчет мещанства.

— Ох, есть! Ох, и махровое! Тут уже не геранью пахнет. Выросло оно! Вон какое! «За культуру» называется!

Л. Наждычный.

О НЕДОЧЕТАХ САМОКРИТИКИ

Рассуждение Савелия Октябрева

О пользе самокритики писалось много и неоднократно. Не отрицая вышесказанной пользы, отмечу однако, что здоровая в общем и целом идея может погибнуть на корню, если проводить ее в жизнь неразумно.

Поясню сравнением. Хинин — полезное лекарство, но полезно ли и приятно ли начальствующему лицу, если его заставить съесть целое кило хинина, обильно посыпая оным всякую пищу?

Прежде всего начальствующее лицо сморщится от вкушаемой горечи. А когда начальство начинает морщиться, у подчиненных отпадает желание потчевать его впредь горькими медикаментами.

Правда, можно издать директиву, которая повелевала бы отнюдь не морщиться при вкушении неприятной критики, а наоборот, встречать ее с благосклонною улыбкою на устах. Но в состоянии ли директива преодолеть природу человеческую? Не в состоянии! Природа же человека не мирится с тем, чтобы оный человек добровольно и безропотно позволял окружающим причинять ему болезненные неприятности. Больной, коего оперируют для его же собственной пользы, кричит, вырывается из рук операторов и наносит им оскорбления словами и действием; утишить его может только наркоз. Чего же ожидать от начальствующего лица, подвергаемого болезненной критике, каковая к тому же лично ему может отнюдь не помочь, а скорее повредить по службе?..

Могут, конечно, возразить: критикуемый связан директивами, как бы веревками; он лишен права преследовать, понижать в разряде или увольнять рабочих и служащих за критику. Но на это ответчу вопросом: зачем же за критику?.. Критикующий может быть обезврежен и свергнут в состояние беспомощного ничтожества за:

- а) нарушение правил внутреннего распорядка;
 - б) проявленный в выступлениях и разговорах вредный уклон;
 - в) подрыв труддисциплины;
 - г) несоответствие должности, требующей особого доверия;
 - д) небрежное и недобросовестное отношение к обязанностям
- и так далее, вплоть до исчерпания всех букв русской азбуки.

Не говорю уже о том, что начальствующие лица могут вкупе поднять вопрос о необходимости ограничить самокритику, каковая: 1) роняет авторитеты; 2) подрывает дисциплину; 3) нервирует работников; 4) при-

учает массу видеть всюду недостатки, а не достижения; 5) получила упрек в резкости от самого Максима Горького.

Повторяю еще раз: здоровая в общем и целом идея, будучи неразумно проводима в жизнь, может погибнуть на корню, не успевши расцвести! И напоминаю:

— Хинин целебен, но его дают в умеренных дозах, заключая опые в облатки.

— Многие болезненные операции спасительны, но они производятся под наркозом и только с согласия оперируемого.

Конечно, не льщу себя мыслью, что намеки, содержащиеся в вышеприведенных примерах, достаточны для инструктирования критикующих, для устранения недочетов самокритики и для постановки ее на должную высоту. Намек есть намек — не более, и вполне понятен он только мудрым. Для рядовых самокритиков необходимо нечто большее и вполне конкретное. Именно необходимо, а не только желательно, ибо самокритика есть оружие острое и сложное, и лица, прибегающие к нему без надлежащего умения, легко могут сами стать или сделать других жертвами несчастного случая.

Считаю нужным отметить, кроме того, что самокритика в настоящее время распространена столь же широко, как стрельба в цель, игра в шахматы или увлечение пинг-понгом. Следовательно, она, как и упомянутые занятия, требует широкого инструктирования и руководства; особенно — принимая во внимание ее небезопасность и в то же время общедоступность.

Исходя из вышесказанного, я прошу читателей смотреть на настоящее мое рассуждение, как лишь на вступление к более детализированному, уточненному и конкретизированному труду моему, каковой начнется печатанием под скромным, но многоговорящим заглавием:

«САМОУЧИТЕЛЬ САМОКРИТИКИ».

Беспартийный Савелий Октябрев.

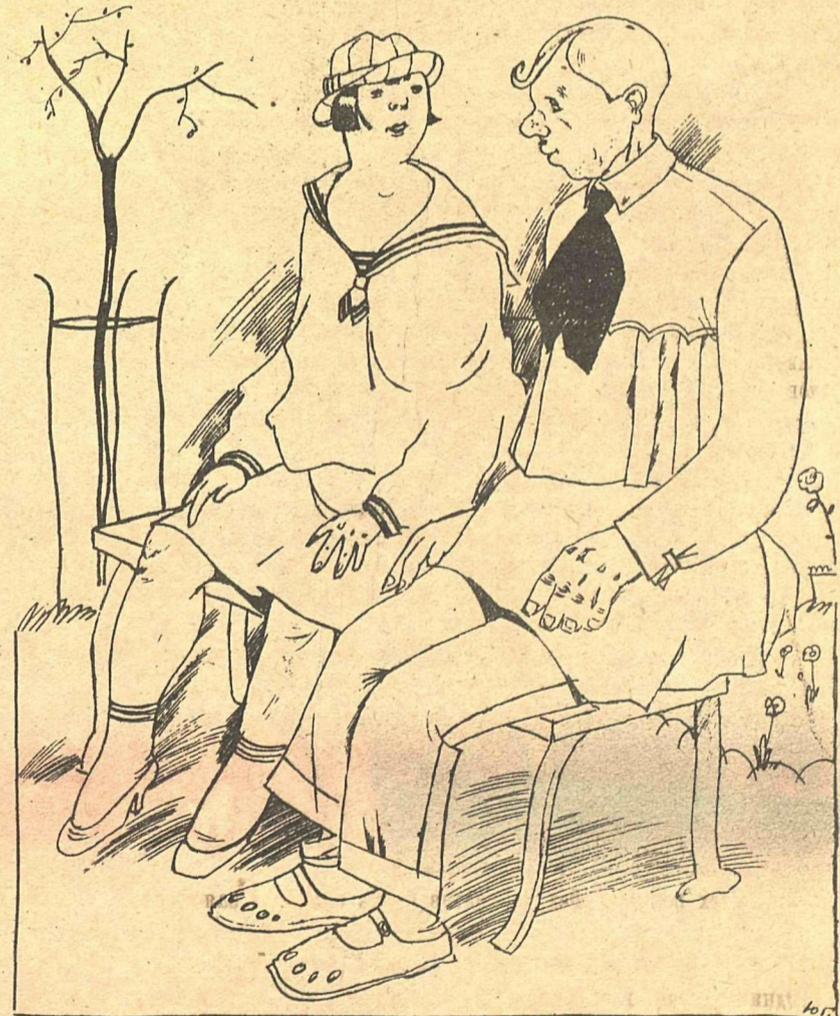
СМЕЛО

— Вы не помните, кто это сказал: „Хочу быть дерзким, хочу быть смелым!“?

— Право, не знаю... Вероятно, кто-нибудь, воздержавшийся от голосования.

СООБРАЗИЛ

Рис. Ю. Ганфа

— А почему это Альтшуллера и компанию называют „культурными хулиганами“?

— А как же! Теперь, ведь, культурная революция!

Рис. Ю. Ганфа

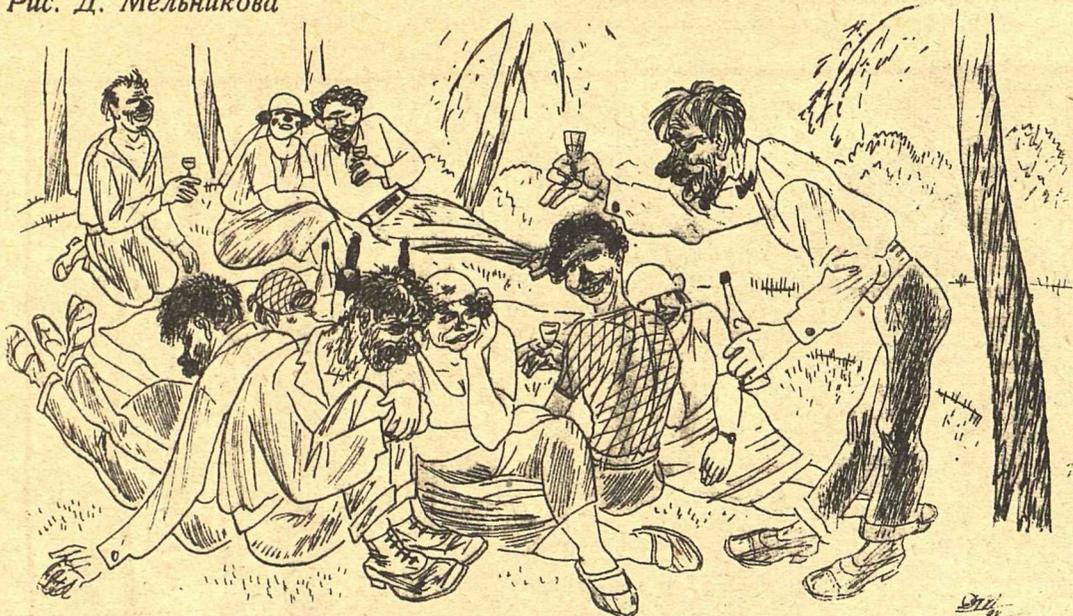
— Смотри, как Иван Семенович хорошо обращается с нашим Петенькой!
— А за что же я его личным секретарем назначил!

Рис. Д. Мельникова

— Добро пожаловать! Лоно готово — с!

Рис. Д. Мельникова

— И не стыдно! Член общества борьбы с алкоголизмом, а сам напился как стелька!

— Чу-чудак! Я ж пил за процветание нашего общества.

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Директор Сидор Сидрыч Линеикин в одно прекрасное утро установил, что весь аппарат заводоуправления заражен подхалимством на все сто процентов.

Он почувствовал страшное омерзение к этой язве и, выгнав всех подхалимов из кабинета, начал придумывать план борьбы с наследием гнилого царизма.

— С низших служащих что спросишь, они берут пример со старших товарищей, — думал Линеикин, — нужно ударить по верхушке. Взять к примеру Жеребчиков; ну какой он, к черту, управдел?.. Пять минут просуществовать не может, чтобы кого-нибудь не лизнуть... Выгоню его к собакам, чтобы другим неповадно было!..

Линеикин решительно придвинул блок-нот и начал строчить приказ по заводоуправлению:

«Тов. Жеребчиков за проявленное им...».

Рука директора вдруг вздрогнула и остановилась...

Линеикин ясно представил себе выражение лица члена правления треста Пономарева, по рекомендации которого Жеребчиков определился на завод, и от ужаса зажмурился:

— А Жеребчикова все-таки жалко, он, конечно, подхалим, но зато прекрасный работник, — решил Линеикин и бросил начатый приказ в корзину.

— А вот завхоз наш, Копалов... Человек только целый день тем и занят, что влезает без мыла в самые неподобающие места... Завтра же его ноги здесь не будут!

Линеикин обмакнул перо в чернильницу, но так оно там и застряло:

— Позвольте, братцы, ведь Копалов по записочке самого Семена Павловича посажен... До чего все-таки у меня пустая башка стала!.. Копалов, конечно, подхалим, но зато он очень честный парень. Такими людьми нужно дорожить...

Директор стал перебирать в уме всех ответственных сотрудников и с каждой новой фамилией все больше зеленел от чувства полнейшей беспомощности.

Все сотрудники со слабыми зацепками давно уже сорвались и вылетели во время последнего сокращения, а у каждого из оставшихся была не только зацепка, а очень солидный крюк.

А знаменитый Жеребчиков уже проник на цыпочках в кабинет и растекался патокой:

— Дорогой Сидр Сидрыч, у вас такой угловатый вид... Я распорядился подать машину...

Вы должны беречь себя, хотя бы ради интересов завода...

Линеикин остервенел и, схватив портфель, бомбой вылетел из кабинета.

У самого выхода он наскочил на главного инженера и пребольно наступил ему на мозоль, но тот ослабился и сказал извиняющимся голосом:

— Простите, Сидр Сидрыч, я, как медведь, прямо вам под ноги подвернулся!..

Взбешенный Линеикин бежал уже по двору. У выходных ворот он на минуту задержался пока отрывали калитку.

К нему подбежала заводская собака Лыска и без всяких задних мыслей, по своему обыкновению, ласково завлила хвостом.

Вид подхалимающей дворняги окончательно вывел Линеикина из себя и он заорал не своим голосом:

— Выгнать!.. Чтоб этой гадуки через пять минут не было на дворе!..

Сторож Иван хотел возразить, что собачка очень сторожкая, но вслух произнес только:

— Слушаю-с!..

У Линеикина сразу даже настроение исправилось:

— Одним подхалимом меньше... Начало положено!..

А сторож в это время в припадке усердия गया за несчастной дворнягой.

Ничего непонимающая собака бежала прочь со двора, жалобно взвизгивая под градом летящих в нее камней.

Она отбежала на довольно большое расстояние, но через несколько минут вернулась снова к запертым воротам и жалобно завлила.

Контрольное окошко отворилось на минутку и в него высунулась голова сторожа.

Он с сожалением посмотрел на собаку и ласково сказал:

— Не плачь, Лыска, я тебя на соседний завод устрою... Там мой кум живет!..

И. Амский.

КОНЦЕССИОННЫЕ МОЛЧАЛИНЫ

Директор фабрики Гаммер дважды выгонял из кабинета членов фабкома. Фабком молчал.

(„Труд“).

По старинке, нет-да-нет,
Кое-где еще ведется:
Плюнь иному на «портрет», —
Он почтительно утрется...

Ар

ЗАБАСТОВКА

(Из цикла стихов „Дом отдыха“)

— „Довольно, товарищи, выходи! Ни ложки, ни крошки!“ Словом, Гневом сплоченные, как один, Мы хлынули из столовой.

На „площади вздохов“, где мирно любилась Навивные розы и наглые маки, Мы митинг открыли. И в криках билась Повестка „о щах и фаршмаке“!

Иван Тимофеич, любимец, матрос, Непревзойденный король чечеток, Начал: „Братишки, с’естной вопрос Нутро наше шваброй щекочет!“

— Вверна, вверна, товарищи, — Гортанил индус „Та Рама“, — Из этой проклятой тощей щипы Я на ста спадала грамма.

А девушка с рыжим костром волос, Горящим, на солнце потрескивая, Пылко вскричала: — Прав матрос, Да только вот, спрашивать не с кого.

Молотобоец „дядя Вань“, В сюртуке чугунной материи, Свирепо пробасил: — Фаршмак — дрянь! Администрацию к матери...

Амур побледнел, вскинул лук, Отчаянно свесившись над бассейном... Бедняга, я понял его испуг: Дрожал за невинность Психей он.

Строча петицию в профсоюз, Мы вылили жирные жалобы... Но между нами нашелся трус — Штрейкбрехерская жаба.

Он сбежал проворно за старшим врачом, Похожим на социал-демократа... Тот, в общем, был неплохой старичок, Но, в частности, скверный оратор.

В столовке стыли неладные щипы, Поспорив, остыли мы кровью... Кончилось мирно. Врач поспешил Сдаться на наши условия.

К. Митрейкин.

СИНЯЯ БОРОДА

Начальнику воткинской районной милиции тов. Субботину было очень скучно. Он зевнул и сказал сам себе тоскливым голосом:

— Жениться, что ли.

И женился. Прошло девять месяцев. Родился ребенок. Начальник милиции посмотрел на своего детеныша, как на субъекта в нетрезвом виде, и сказал, зевая:

— Скучно! Жениться, что ли.

Жена начальника в испуге заохала:

— Что ты, обалдел!.. Да как же так?.. Да, господи!..

— Бога нет! Не скули, — перебил ее строго муж и ушел, хлопнув дверью.

На следующий день он женился. Прошло девять месяцев. Родился ребенок. Начальник милиции посмотрел на своего детеныша, как на субъекта в нетрезвом виде, и сказал, зевая:

— Скучно мне! Жениться б, что ли.

И женился. Прошло девять месяцев. Родился ребенок. Начальник милиции сидел в пивной и пропивал деньги, полученные им из страхкассы на приданое ребенка. После четвертой бутылки начальнику стало невообразимо скучно. Он стукнул кулаком по столу, прослезился и отчаянно-тоскливым голосом произнес:

— Эх, жениться, что ли!

Посетители пивной на этот возглас не обратили внимания. Начальник милиции с обиженной физиономией вышел из пивной. И уж на улице еще раз, погрозив кому-то кулаком, пожаловался на скуку, пошел и женился...

Прошло девять месяцев. Родился ребенок... Дальше писать не о чем. Дальше просто, дорогой читатель, если тебе не лень, возьми со стенки счеты или карандаш и бумагу и ваймись простой арифметикой.

Если, предположим, что начальнику воткинской милиции тов. Субботину сейчас 30 лет. И если, предположим, что он проживет еще лет 40, то, зная, что в году двенадцать месяцев, и зная, что через каждые девять месяцев начальник бывает скучно, и он женится, то после соответствующих умножений и делений у тов. Субботина будет, приблизительно, 53 жены. Прибавим к ним еще четырех теперешних, итого — 57 жен...

У героя сказки «Синей бороды» было всего-навсего каких-то семь жен.

Что и говорить, — бледнеют фантазии сказок по сравнению с настоящей, реальной жизнью.

Антон Младенцев.

КОЛЛЕКЦИЯ ЛАКИРОВАННЫХ

4. ТОВАРИЩ ПАЛИССАНДРОВ

(Портреты)

У товарища Палисандрова ничего за душой не было: ни ума, ни таланта, ни квалификации. Но мудрая природа снабдила его, в виде компенсации, весьма значительным корпусом, который тов. Палисандров постепенно усовершенствовал до покоряющей внушительности. Он отпустил умеренное брюшко, на толстый, сочный нос водрузил круглые очки, и, в виде главного козыря, отрастил полупрофессорскую бородку. В результате получилось почтенное сооружение, производящее впечатление солидности и добротности.

С годами тов. Палисандров выработал и соответствующие солидные манеры.

В одежде он не допускал ни малейшего легкомыслия и подхалимства. Всегда носил чистое белье и в меру блестящие ботинки. Во время дождя брал зонтик, на что, как известно, не решался даже сам секретарь ячейки, боясь обвинения в мешанстве и в правом уклоне.

Передвигался тов. Палисандров медленно и величественно, без малейших признаков суетливости. За это его особенно уважали швейцары.

— Сразу видно, — умный и государственный человек, — говорили они, широко распахивая перед ним двери. — Не то, что десятиразрядная мелкота, шмыгают словно крысы...

На заседаниях комиссий и коллегий тов. Палисандров всегда многозначительно молчал. Не смысл ли бум-бум в обсуждаемом вопросе, он своей невозмутимой молчаливостью порождает у всех уверенность в ясном понимании дела.

— А каково ваше мнение, тов. Палисандров? — обращался бывало к нему председатель, умученный в конце болтунами и балаболками, загнавшими обсуждаемый вопрос в безысходный тупик.

Тов. Палисандров в таких случаях всегда выдерживал продолжительную паузу и медленно, с непоколебимой убежденностью отчеканивал:

— Я полагаю — вопрос надо передать в специальную комиссию.

„Передать вопрос в комиссию“ — был излюбленный конек тов. Палисандрова, на котором он неизменно выезжал в роли спасителя всякого запарившегося собрания.

Благодаря всем этим несложным приемам тов. Палисандров крайне выгодно выделяется на общем фоне суетливой беготни, мелканиа и трепачества.

Немудрено, что при назначении на новую должность с ним не раз происходили недоразумения.

— Мы хотим послать вас ректором университета, — говорили тов. Палисандрову орграспределители, сбившие с толку полупрофессорской его бородкой и общей монументальностью.

Тов. Палисандров, предчувствуя бесславную погубель, обыкновенно категорически отказывался, ссылаясь на отсутствие образования.

— Ну, в таком случае, может, вы согласитесь быть членом коллегии губпросветкульты?

На должность члена коллегии какого-нибудь полужанитарного просветкульты тов. Палисандров шел охотно. Там он имел полную возможность процветать, пользуясь незамысловатой формулой: „передать в комиссию“...

Даже на ревизоров и обследователей обстоятельная фигура тов. Палисандрова действовала самым успокаивающим образом.

— Ну, у такого человека, как вы, не может быть беспорядка. Мы вам верим на слово! — говорили они уверенно, хотя тов. Палисандров и не говорил им ни полслова.

Таким образом лакировка солидностью позволяла тов. Палисандрову благополучно блистать и дальше в ореоле государственной мудрости и делового спокойного величия.

Б. Самсонов.

ЗА КРИТИКУ

— Заступитесь, товарищи! Одна только надежда на союз! Уволен совершенно неправильно, вопреки существующим директивам...

— Причины вашего увольнения вам известны? — Причина одна: деловая критика. Через это и пострадал! А есть разве такая директива, чтоб за деловую критику увольнять?!

— За критику увольнять нельзя.

— Вот и я говорю. Директивы-то, сла-те осподи, мне известны! Так я и сказал: не оставляю, говорю, этого дела, в союз пойду!.. А если и союз не заступитесь...

— Не волнуйтесь, товарищ, мы тоже этого дела не оставим. По какому случаю и кого вы критиковали?!

— Я?... Отродясь не критиковал! Меня раскритиковали на общем собрании: будто я куда-то не годен и злоупотребляю по службе... И меня же уволили!..

Кр.

КУРЬЕЗНЫЙ СЛУЧАЙ

Рис. Д. Мельникова

— Слышали: Семенов уволен со службы.
— За самокритику?
— Нет — за подхалимство.

СВОЯ РУКА ВЛАДЫКА

(Случай в Ив.-Вознесенской губернии)

Зав уздавом Горбунов вызвал к себе фельдшера Сокольской больницы и сказал ему внушительно:

— Сматывайте монатки и отправляйтесь куда-нибудь в другую волость на работу...

— Помилуйте, тов. Горбунов, у меня жена, дети!..

— У всех жены есть. Вот у нашего высшего начальства, председателя вика Калинина, тоже жена есть. Она захотела быть фельдшером. Ничего не попишешь!..

Несчастный фельдшер совсем растерялся: и уезжать нельзя и против начальства тоже не попрешь!..

Долго он бьорлся сам с собой и, наконец, нашел в себе мужество категорически заявить:

— Никуда я с моего места не сдвинусь!..

— А-ах так, хорошо!!!

Горбунов жестом дал понять фельдшеру, что аудиенция окончена.

Со следующего дня начали допекать несчастного фельдшера ревизиями.

Ревизовали его днем, ревизовали ночью, целые сутки под ряд ревизовали, но фельдшер попался на редкость выносливый.

— Ничего с чортом лысым не поделаешь...

А жена предвика каждое утро билась в истерику и кричала на мужа:

— Ну, какая у тебя, сморчка, власть, если ты свою собственную жену даже фельдшером сделать не можешь!..

Калинин поил жену валерьянкой и, наконец, уговорил ее временно согласиться быть оспоривательницей.

Пока Калинина прививала крестьянам оспу, дела шли своим чередом.

Через несколько дней в больнице получился грозный приказ:

— Фармацевта перевести в другую больницу фельдшером, фельдшера, того самого, которого ревизиями чуть не умучили, сделать фармацевтом, а жену предвика... назначить фельдшером.

Сотрудники попытались брыкаться.

Немедленно нагрянула карательная экспедиция во главе с Горбуновым и навела на сотрудников строгость и уважение к распоряжениям свыше.

Сидит теперь фельдшер над пробирками и склянками и варит лекарства, а фармацевт перевязывает больных.

А предвика Калинина в прекрасном настроении. У жены заметно исправилось настроение. Калинина ходит по комнате и весело насвистывает игривую песенку:

— Если женщина захочет, то поставит на своем!..

Ипа.

ВСПОМИНАЕТСЯ КСТАТИ

„Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда.
В долгу ночь на ветке дрежлет“...

— Гм... На будущей неделе должно отчитываться правление нашего жилстройкоопат!

* * *

„Меж высоких холмов затерялося
Небогатое наше село.
Горе-горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело-о-о“...

— А к нам наемни тоже шеф наезжал!

Н.

ПРОЧНАЯ СИСТЕМА

В центре заговорили об удешевлении продукции, о поднятии производительности труда и о прочих приятных вещах. Отклики этих разговоров достигли и до нашего города — газеты и у нас читались.

Местный чугунолитейный завод, насчитывающий несколько сот рабочих, крупнейшее, но впрочем, и единственное предприятие в городе, чувствовал себя в некотором роде именинником.

Конечно, производственные совещания совещались усиленным темпом. Завком заседал даже ночью. План был рассчитан до одной сотой. Всем ответственным работникам конторы и цехов были даны задания по поднятию производительности, каждому в его области...

Не входивший ни в какие комиссии помощник слесаря тов. Васильев пришел на очередное совещание и попросил слова для внеочередного заявления. Ему дали.

— Товарищи, — сказал Васильев, — конечно, я извиняюсь, что буду говорить о пустяках, но мне кажется, что вот у нас здесь в нашем цеху не мало валяется беспризорного имущества. Ржавее оно под дождем и пропадает почему зря...

— Позвольте, — сказали Васильеву, — да какое отношение имеет к...

— Не имеет, — сказал Васильев, — действительно, не имеет к важным вопросам, которые вы здесь разрешаете. Но представьте, ежели станок, скажем, еще можно починить и пустить в ход, то жалко, если он пропадает окончательно, валяясь под небесными сводами, вместо того, чтобы стоять в каком-нибудь что ни на есть сарае, но под крышей...

— Под небесными сводами? — передразнил Васильева кто-то из администрации. — Так, может быть, даже выражаться нельзя, если хотите знать... И, вообще, зачем вы вмешиваетесь не в свое дело. Что вы, в самом деле, рабкор, что ли?

Васильев безмолвно посмотрел на присутствующих членов завкома, словно ища среди них поддержки, но Петухов, с которым он встретился глазами, укоризненно покачал головой и сказал:

— Да что ты, в самом деле, смеешься, что ли? Первый год на заводе? Если какой беспорядок, значит, скажи рабкору. А рабкор должен корреспонденцию написать в Москву: «Охрана труда, ах, где ты?», или «Советское добро гниет!». Ну, а потом уже идет все по порядку: получается газета, рабкора ругают и администрация принимает меры. А ты чего захотел? Так вот сразу сказал, чтобы моментально и сделали. Нет, брат, дезорганизацию вносить нечего. Уж какой порядок установили, значит, по нему и следовать надо.

— Так ведь я для пользы дела! — пролепетал Васильев.

— А между тем беспорядок вносишь...

— Какой беспорядок, ежели так скорее...

— Мало ли чего? Из-за вашей скорости всю систему прикажете разрушить?! — ехидно сощурился молодой человек из администрации.

Васильев на цыпочках вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

С. Карташов

НАТРЕНИРОВАННЫЙ

Рис. Ю. Ганфа

— А у меня голова не кружится!
— На то ты и предзавкома! Вертишься целыми днями вокруг директора, ну и привык!

АККУРАТНАЯ ЛИЧНОСТЬ

В последней комнате возле кухни жили супруги Мечик. Василий Мечик, конторщик, радиолобитель, каждый день перед уходом на службу брился, ваксил штiblеты и чистил зубы порошком «Одоль». Это был единственный жилец в квартире, который чистил зубы и ботинки. На ночь Василий Мечик клал свои черные брюки в белую полоску под матрац, одевал наушники и служил для своей жены громкоговорителем, т.е. громко передавал все слышанное им по радио. Если пела Загорская, то и он пел: «Сирень цветет», если лектор-агроном читал о хлебе, то и он соответствующим тоном передавал: «Нам нужен теплый хлеб!».

Или подражал сладкому женскому голосу из «Крестьянской Газеты»:

— Товарищи! А у нас в Татьянине, Архангельской губернии, того же уезда, Банульской волости, женщины-крестьянки подписались на заем по укреплению хозяйства. Следуйте нашему примеру!

Про Василия Мечика жильцы отзывались очень хорошо. «Ужасно вежливый», — говорили про него. И, действительно, он шага не делал, чтобы не сказать: «Простите, извиняюсь, виноват». Единственный его недостаток — это то, что по вечерам в субботу имел обыкновение бить свою жену. Правда, он прежде чем приступить к своим обязанностям, обходил жильцов и предупреждал:

— Извините, но сейчас у меня в комнате будет небольшой беспорядок. Я своей красавице прочту доклад о дисциплине.

Жильцы говорили:

— Пожалуйста, пожалуйста, ничего, не беспокойтесь, — и начинали бесшумно скопляться у дверей комнаты супругов Мечик.

Истеричка-одиночка Евгения Жезлик обыкновенно прибегала к дверям самой последней. Запахавшись, она врзывалась в тесную кучу жильцов и тревожно спрашивала:

— Опоздала?! Опоздала?!

В это время двери с шумом распахивались и гражданка Мечик, вырываясь из рук своего супруга, орала:

— Граждане! Граждане! Зовите милицию, он меня убивает!

— Будешь орать? Будешь орать? — вопил Василий Мечик и бил свою подругу кулаками.

Жильцы на них набрасывались сзади, — обыкновенно мужчины — на Василия, а женщины — на его супругу, и растаскивали.

Через полчаса, положив свои брюки под матрац, с наушниками на голове, лежал в кровати Василий Мечик и передавал сидящей напротив своей супруге, которая в это время обязательно что-нибудь да штопала:

— Сир-е-ень цветет... Внимание! А сейчас послушайте...

Жильцы не задумывались, почему именно в субботу вечером, а не в пятницу или в понедельник, или во вторник... Почему именно в субботу вечером Василий Мечик бьет свою жену? Жильцы над этим не задумывались. А между тем и в этом вопросе была известная закономерность и аккуратность. Я уверен, если бы хоть кто-нибудь из соседей заинтересовался этим вопросом, то Василий Мечик охотно рассказал бы. Он просто достал бы свою записную книжечку и объяснил:

— Суббота — конец недели. И я именно в субботу вечером подвожу итоги. Это делается очень просто. Я каждый день, начиная с воскресенья, записываю все проступки своей жены, а в субботу наказываю. Вот, например: воскресенье — назвала меня идютом и неизвестно почему плакала. Понедельник — я ее попросил выгладить мне брюки горячим утюгом, а она нагубила и сказала: «Гладь сам, я тебе не прислуга». Или вот возьмем пятницу — назвала меня негодяем и сказала, что я ей жизнь отравил, а сама, когда я ей передавал по радио концерт, заснула...

Б. Левин.

ЛЮБИТЕЛЬ ПОРЯДКА

Рис. Д. М.

— Нельзя ли переменить место? Немного повыше...

— Так вы же еще не сняли: у нас в учреждении сначала снимают, а потом повышают...

ЗАКОН МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Совет Ленкоранской школы горячо обсуждал поведение ученицы Ягодзинской.

— Вы знаете, — держала речь заведующая, — Ягодзинская выглядит очень странно. Глаза мутные, смотрят косо и ест соленые огурцы. Она не иначе, как беременная.

— Соленые огурцы?!

Позвали Ягодзинскую.

— Ягодзинская, вы беременны?!

— Да вы с ума сошли! Откуда вы это взяли?

— Не артачьтесь, милая! Нас, старых воробьев, на мякине не обманешь. А ваша походка, а глазки, а цвет лица?!! А прогулки с Зайцевым?!! И как вы это допустили... Вы же знаете, что по закону министерства просвещения нельзя ученицам быть беременными, хотя вам и девятнадцать лет.

— Позвольте! Теперь все старые законы отменены, при чем они и тут, да, кроме того...

— То-есть как отменены?!! Покажите мне такой декрет, который отменил бы этот закон.

В этот же день в школе был вывешен протокол школьного совета:

«Исключить Ягодзинскую из школы, как уличенную в сожительстве с неким Зайцевым».

Принесенное Ягодзинской заключение врачебной комиссии о том, что Ягодзинская девственна, — положение вещей не изменило.

Завшколой и школьный совет остались при своем мнении:

— Мало ли что говорит врачебная комиссия. Может быть, комиссия и ошиблась, возможно, что и средство есть такое, чтобы вновь стать девственницей. Мало ли что при большевиках может быть! Нельзя же, в самом деле, не верить своим глазам, фактам прогулок Ягодзинской с парнями. Да, наконец, сейчас не беременна, но потом может быть беременна. Где гарантия?!

Ягодзинскую обратно в школу не приняли. В городе Ленкоране закон министерства просвещения восторжествовал!

Сергей Позняков.

ВИАРЫ В БОК

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Поспешишь, людей насмешишь!
Эту пословицу твердо помнят работники МКХ.

Они больше всего в жизни боятся поспешить и потому целых 6 месяцев не выкупили с таможни 70 тонн свинца.

Придется теперь уплатить за хранение... 1100 р. Напрасно, товарищи, со свинцом шутите. Металлец с весом! Сразу может у них работников на дно потянуть!..

КУЛЬТУРНО СДЕЛАНО

Летом, как известно, в рабочих клубах и садах процветает пышная халтура.

Но не так обстоит дело в Пензе! Просвещенные пензяки дают массам только первосортную культурную пищу.

Показав недавно в кино знаменитого Эмиля Янинга в картине «Человек и ливрея», кинотеатр «Смычка» вскоре опять объявил, что Эмиль Янинг будет показан в картине «Последний человек».

Восторженные пензяки повалили валом. «Последний человек» оказался той же картиной «Человек и ливрея».

Это называется вольный перевод с немецкого на пензенский.

Облагодетельствованные пензяки однако ворчат. Они кроют управление зрелищными предприятиями за «Последнего человека» самыми последними словами.

ЛОШАДИНЫЕ ТАРИФЫ

*Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил...*

— Ты-то можешь не ржать, Савражка, тебе что! Ты зава района лошадь, 25 рубликов в месяц на фураж получаешь. А я конь зава участка—всего 21 рубль. А вот десятникова кобыла совсем жалуетса. Положено ей 18 рублей и жри круглый день сено. И заявляю тебе: мы, лошади, такого колдоговора между уральским облотделом с.-х. рабочих и правлением Уралолесобумтреста не признаем... Не желаем мы совторгслужащей сеткой пользоваться!

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СПЛАВЩИК

Васильев, начальник Вятского сплавного района, поручил устройство плотин своему другу—частнику Брагину... А так как сдача работ стоимостью в 10.000 рублей без торгов производиться не может, то Васильев сдал ее приятелю за 9.999 рублей. Целый рублишко с'экономил.

Куда бы это теперь сплавить самого Васильева?

СУДЬЯ С ГОНОРОМ

Нарсудья 10 участка Акмолинского судебного округа Кравченко полагает, что самокритика допускается лишь в полном соответствии с положением критикующего на полях тарифной сетки.

Когда делопроизводитель Тюкачев осмелился указать Кравченко на какую-то ошибку, нарсудья задрал нос к потолку и заорал:

— Помолчали бы! Вы ведь только технический работник!.. Сопляк!!

Мы скромно полагаем, что этот эпитет относится скорее к гордому судье, так как усиленно чихает на самокритику именно он...

ЗАВКЛУБ НА ПОСТУ

В Махач-Кала, в Дагестане, один только клуб, да и тот всегда под замком. Газет и журналов нет, кооперативная столовая пустует.

Завклубом нигде не найдешь. Бегали граждане, весь город обшарили. Наконец, обнаружили его рядом с клубом... в ближайшей пивнушке. Сидит себе, закусывает и новые журнальчики просматривает.

— Здесь, говорит, так уютно, прямо уходить не хочется в нашу пустыню...

ТОЖЕ ФОТОГРАФЫ

Увлечение фотографией докатилось до самой глухой провинции.

В селе Песковатке, Сталинградской губ., особенно увлекаются фотографией секретарь сельсовета Дудкин и комсомолец Синельников.

Они снимают все что попало: штаны с проходящих граждан, рубашки и прочие части туалета.

Так как эти герои вечно пьяны и пропили уже все, что у них было, то с них снять, кроме комсомольского звания, нечего!..

ИСТИННЫЙ ДРУГ ДЕТЕЙ

Друзей детей у нас как собак перезаных. А толку от них никакого!

Только тов. Бухвостов, зав орловским жилотделом, доподлинный друг. Он неуклонно заботится о воспитании подрастающего поколения. Тов. Бухвостов уверен, что дети должны проходить самую суровую жизненную школу. Поэтому он при переселении безработной гражданки Матезиус с двумя больными детьми отвел ей сырое малоприспособленное помещение.

— Если ваши детки выживут в этой квартире, — сказал Бухвостов, — то из них, несомненно, выйдут герои!

Матезиус только заплакала. Она ничего ответить не могла, т. к. не была никогда ответственной.

СОЛИДНАЯ ПОСТАНОВОЧКА

Всякое маленькое дело должно делаться солидно. Понадобилось Невинномысской суконной фабрике устроить вентиляцию, — так уж тут без проработки вопроса не обошлось. Представитель сев.-кав. совнархоза Глебов запросил у армавирской климатической станции сведения о бывшей ежедневно за последние 15 лет температуре воздуха.

Интересно, когда Глебов расписывается в ведомости на получение жалованья, представляет ли он сведения о своей деятельности за последние 15 лет. И если нет, то почему?

СЧИТАЕТ ТОЛЬКО ДО ТРЕХ

Кунгурский окрторг до сих пор предпочитает метрической системе свои собственные пальцы.

На торгово-заготовительном совещании согласно пункту 3 постановили: „Беконной свиной считать свинину, имеющую до 2-х пальцев сала в шейном разрезе, сальной — имеющую свыше 3-х пальцев“... От такой техники работы можно смело сказать:—пальчики облизнешь.

ДАЕШЬ АВТОМОБИЛИЗАЦИЮ!

Идея автомобилизации страны, действительно, назрела, как хороший волдырь.

Посудите сами:
Звонит пом прокурора по Рузаевскому уезду тов. Кильдеватов в Инсарский исполком:

— Приказываю немедленно подать лошадь!
— Лошадь только-что прибыла из района, — отвечает трепетно секретарь, — гнать ее нельзя, она потная, усталая, — может сдохнуть...

— Подохнет в дороге — акт составим! Немедленно прислать.

А будь автомобиль — не сдох бы! Даже и от такого бюрократа, как сам Кильдеватов!

ДОДУМАЛИСЬ

И до чего же бесчувственный народ в операции пошел! Чурбан-чурбаном!.. Клещами из него никакой активности не вытащишь.

И только высокоталанливое правление Николаевского о-ва потребителей, Сталинградской губернии, нашло верный способ для оживления потребителей.

Оно распределяет сукно лишь среди членов правления и ревизионной комиссии.

Теперь вся широкая членская масса толпами прет на общие собрания, настойчиво стремясь пролезть в правление.

Без штанов, как известно, не промывешь!..

О Ш И Б К А

Больно мы, уважаемые граждане, жить торопимся. И второпях суем в руки совсем не то, что следует.

На завод № 3 „Электролес“ под Сталинградом заводоуправление прислало своего сотрудника Шнажтиса с секундомером.

Сел это Шнажтис около лесопильного станка и стал следить за секундомером. Последил, последил и заснул. Рабочие не смогли его добудиться. Взяли и написали на доске:

— Спи, дорогой товарищ! Работа идет полной нагрузкой.

Ясно, что Шнажтису надо было давать в руки не секундомер, а будильник!

ТОНКИЙ КУМ

Много женщин есть на свете, но лишь одна может служить уборщицей в северном отделении Совкино в Ярославле. Это жена сотрудника этого Совкино-отделения — Шалаева. Другие женщины с биржи труда туда попасть не могут. А знаете почему? Оттого, что зав Киселев заявил:

— Мне свою знакомую, члена профсоюза, лучше провести, потому что с биржи труда частенько не-членов союза присылают.

Вот это современный зав. Еще разбирается, член ли профсоюза — кум. А ведь другие и этого не делают.

ТЕЛЕНОЧЕК

Товарищ Мангаев, зам предгорсовета Астрахани, удивительно ласковый парень. Никому грубого слова не скажет и себя не обижает. По болезни получил жалованье в страхкассе и за это же время содрал денежки с исполкома. Хо-ороший парень Мангаев, знает, что ласковый теленок двух маток берет.

АРХИВ „КРОКОДИЛА“

БЮРОКРАТ В СЕТЯХ

Директор фабрики «Сетеснасть» в Астрахани написал в больницу им. Семашко следующее:

На астраханской сетевязальной фабрике за последний год произошло несколько несчастных случаев с работницами, в результате чего в руках у работниц оставались крючья машин. Крючья эти удалялись в вашей амбулатории.

В виду того, что указанные крючья являются необходимой частью машин и изготовление их в Астрахани невозможно, просим о возвращении таковых.

Тут произошло явное недоразумение. Крючков на фабрике сколько угодно. Стоит только директору посмотреть на себя и своих канцелярских сотрудников. Это ли не крючоктворцы?!

РАЗНОЕ РУКОВОДСТВО

Коканд умеет рекламировать кино-картины. В городе раздаются такие листовки:

МАТЬ

Картина имеет десять отзывов, которые исходят из авторитетного и всем известного московского органа газеты „Правда“ и старых революционеров и наших руководителей: тт. Луначарского, Семашко, Ульяновой, Дугласа Фербенкса и др.

Зачем же смешивать всех руководителей, наших и ваших? Вашим руководителем был не только Дуглас, но и Глупышкин. Получается неудобно.

НАПИШУТ ЖЕ ТАКОЕ!

Довольно оригинальный приказ опубликован в Минске по пожарной охране. В этом приказе говорится буквально следующее:

2. На заводах, где имеются насосы, приводимые в действие паром, ДОЛЖНО оставаться бесперебойно в течение ночи ОДИН из паровых котлов. А В СЛУЧАЕ ПРЕДСТОЯЩЕГО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ПЕРЕРЫВА РАБОТЫ на этом предприятии, В ТЕЧЕНИИ ПЕРВЫХ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ РАБОТЫ СУТОК, ПОД ДАВЛЕНИЕМ ПАРА НЕ НИЖЕ 6 АТМ. при дежурном КОЧЕГАРЕ для того, чтобы в случае ПОЖАРА была возможность пользоваться ТАКОВЫМ.

3. Если завод освещается керосином, ВСЕ ЛАМПЫ (ОБЯЗАТЕЛЬНО ТОЛЬКО ВИСЯЧИЕ) ДОЛЖНЫ БЫТЬ по прекращении работ ПОГАСНЕМЫ, за исключением кочегарки, если имеется дежурный КОТЕЛ, ГДЕ может оставаться лампа с жестяным резервуаром в проволочном фонаре. Для ознакомления всех рабочих и служащих ПРЕДПРИЯТИЯ ТАКОВОЕ вывесить в конторах и заводских помещениях на видном месте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕХ БССР (С. Б. КАРП).
НАЧАЛЬНИК ПОЖАРНО-СТРАХОВОЙ ИНСПЕКЦИИ (Б. И. РУЗИН).

Для борьбы с пожарами меры приняты самые разносторонние, а вот насчет ликвидации неграмотности, как видите, кишка тонка!

ПО ГРАДАМ И ВЕСЯМ

ЖИЗНЬ КУРЬЕРСКАЯ

Пьяненький безработный счетовод любил бывало пофилософствовать:

— Что такое есть курьер?

И сам себе отвечал:

— Курьер есть существо насекомое и супротив человека все равно, что писец супротив бухгалтера!

Курьерская жизнь, в самом деле, того... Каждая свинья норovit цыгаркой в нос тннуть...

В Юрьевецком исполкоме председатель месткома Турецкий, терзаясь перманентным геморроем, то-и-дело гоняет старышка-курьера за геморройными свечками.

Курьер окончательно умучился и собирается поставить свечку первому попавшемуся святому, хотя бы и турецкому.

Прямо турецкие зверства, да и только!

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ КРАЙ

Один беспартийный поэт когда-то писал:

«В столице шум, гремят витии...».

А почему, спрашивается, граждане, шум?

Известно почему! Водку шибко хлещут в столице. И к тому же— пиво!

А в глубине нашего родного Союза, там, действительно, полная тишина. Не знаем, где как, а за Бугуруслан, например, ручаемся. В Бугуруслане, дорогие товарищи, самогон музейная редкость. Честное слово!

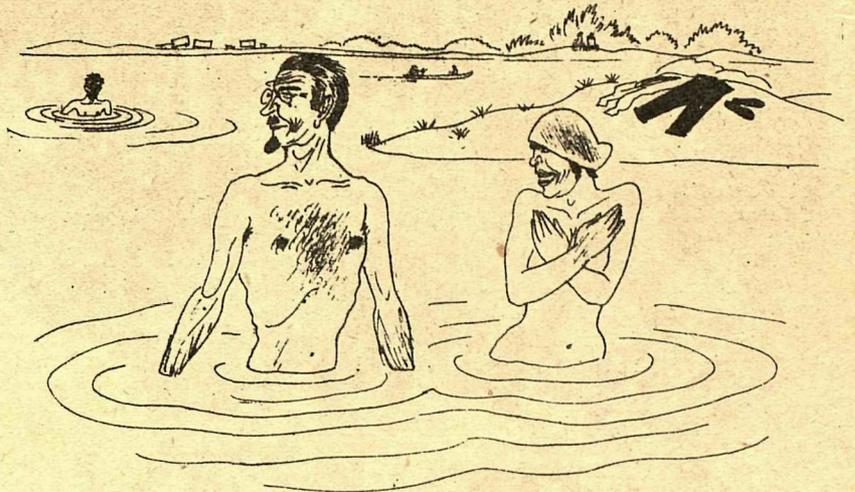
О-во краеведения прямо объявило приказ, что за расхищение и продажу музейных ценностей бугурусланцы будут отвечать по ст. 102 Уголовного Кодекса. По той самой 102-й самогонной статье, которая известна всему честному и трудолюбивому населению нашего Союза

А может, тут ошибка в общем и целом?

Может, бугурусланцы режут муху не хуже, чем в столице? Может, краеведческое о-во сослалось на 102 статью, будучи не в себе? Ох, не хочется этому верить!

ВСЕ НА СВОЕМ МЕСТЕ

Рис. Д. Мельникова

— Смотри, Коля, какое нахальство! Твой подчиненный купается в той же воде, где и мы!
— Пускай, он же ниже по течению...

ШЛЯПЫ

Много шляп обнаруживается в славянском союзе швейников. Председатель союза Соколова занимается непутевым распределением путевок в дома отдыха. Дает она их, кто ей приглянется, вопреки постановлению правления. Публика жалуется, но в общем у Соколовой дело в шляпе, так как члены правления, действительно, шляпы.

Двойка.

СОННАЯ БОЛЕЗНЬ

(Астраханская губерния)

— Тов. Доркин, а тов. Доркин! Проснитесь!!

— Хрррррррррррррр!

Председатель енотаевского райкома крестьянской взаимопомощи спит беспробудным сном уже четыре месяца.

Недавно он только выспался и дал напечатать на машинке резолюции районного съезда комитетов, который происходил еще в декабре 1927 года.

Крестьяне недовольны Доркиным.

Никак им не угодишь! Ну, а лучше было бы, если бы председатель не спал!

Так по крайней мере можно быть спокойным, что он и денег не растратит, и никаких злоупотреблений делать не будет!..

Спящий председатель с этой точки зрения прямо клад!

УЧЕНЬЕ—ТЬМА

В Махач-Кала, в Дагестане, партпросвещением занимаются все кому не лень, даже бывшие городовые.

На вопрос какая разница между большевиками и меньшевиками сам преподаватель с трудом отвечает слушателям:

— Большевики — это те, которые хотят больше, а меньшевики — меньше. Кроме того, большевики принимают всегда решения по большому...

В результате и слушатели стоят тоже на должной высоте.

На вопрос, кто высшая власть в ауле, они отвечают:

— Начальник милиции...

Слава Карлу Марксу! Хорошо, что не урядник!..

Из-во „Раб. Газ.“—Москва, Тверская, 3. Ответ. редактор К. МАЛЬЦЕВ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ:

СПУТНИК ОХОТНИКА Сост. Рахманин. 313 стр. С рис. Ц. 1 р. 50 к.

КРАСИВО И ПРАВИЛЬНО ПИСАТЬ НАУЧИТЕСЬ, приобретя скорош **ТЕЛ** каллиграфии. Сост. Волченком. Ц. 1 р. 25 к.

ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ ПРАВИЛЬНО ПО-РУССКИ будете, если приобретете „Новый орфографический словарь“, содержащий 100.000 слов сомнительн. в правописании. Ц. 2 р. 80 к.

НЕОБХОДИМЫЙ ЗАРАБОТОК НА ДОМУ. Спутник практика. Более 5.000 техно-химич. рецептов и производственных советов. 604 стр., в перепл. По редакц. проф. Вальтиса. Ц. 6 р. 40 к.

СПРАВОЧНИК ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ. Сбор, сушка, разведение. 136 стр. С атлас. в красках, на 73 табл. Сост. Комаков. Ц. 2 р. 50 к.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ Гребля, плавание, футбол, бокс, борьба, джигу-джигу и др. виды спорта. 536 стр. Ц. 2 р. 50 к.

А также любую книгу высыл. налож. платеж. книжн. магаз. „НАУКА И ЖИЗНЬ“ Москва, 9, Водяниженка, 4/к. За книги и на ответ можно почтов. марк.

КОМЧВАН НА ПЛЯЖЕ

Рис. М. Черемных

— Ну, хорошо! Тут для мужчин, там для женщин, а где же для партийных?